

Глава 27. Сяо Юньлоу. Переговоры

Если дать человеку шанс, любой может стать преступником.

Цао Чжэнь уже не помнила, где впервые прочла эти слова. Возможно, она сама когда-то их придумала. Это не имело значения — важнее то, что они звучали пугающе верно.

Она взяла кусок жареного ремня, прижала губами и аккуратно вытащила тонкую косточку по краю.

«Человек — железо, еда — сталь: пропустишь один приём — и голод свалит», — эту поговорку все обычно произносили вполшутку. Но для неё это было нечто, пропущенное через себя, болезненно знакомое и слишком реальное.

Цао Чжэнь неторопливо доела целую тарелку ремня, почти не притронувшись к остальным блюдам. Закончив, она аккуратно убрала посуду, вернув тарелки на их места. Выпрямившись, она трижды поклонилась столу.

Её взгляд, спокойный и пронизательный, скользнул по детским рисункам, украшавшим стену. Наивные линии и яркие краски, казалось, уже не могли скрыть истинного предмета её внимания, того, что скрывалось за этой детской непосредственностью.

Цао Чжэнь сложила ладони, опустила голову и, с искренней, почти религиозной сосредоточенностью, вновь поклонилась.

В дверь постучали. Цао Чжэнь обернулась.

Три ритмичных стука.

Четвёртый прозвучал, когда она уже была у двери. Прильнув к ней, она заглянула в глазок и увидела мужчину.

В день смерти Хэ Сяохуэя Цао Чжэнь тоже была в больнице. Она навещала его почти каждый день, мельком, осторожно, но всё же следила за его состоянием.

Это была их вторая встреча с Хэ Синьчуанем. В первый раз он стоял в свете, а она — в тени.

И уже тогда она почувствовала перемену в нём.

А как иначе? Пережив смерть близкого человека, даже если внешне всё кажется нормальным, внутри что-то безвозвратно ломается.

Цао Чжэнь знала это как никто другой.

— Тук-тук... —

Цао Чжэнь открыла дверь.

За ней рука Хэ Синьчуаня ещё застыла в воздухе, не успев опуститься после удара.

— В такой поздний час... вы что-то хотели? — мягко улыбнулась она.

— Поговорить об аварии. — ответил Хэ Синьчуань.

Улыбка не сходила с лица Цао Чжэнь.

— Мне казалось, я всё сказала предельно ясно в прошлый раз.

Хэ Синьчуань едва заметно, но внимательно окинул взглядом помещение за её спиной.

— Вы сказали ясно. Я — нет.

— Уже поздно, — тихо произнесла Цао Чжэнь. — Всё, что нужно, скажем завтра.

Хэ Синьчуань мельком взглянул на неё. Его голос был ровным, почти холодным:

— Уверены?

Она не ответила, но и дверь не закрыла.

Хэ Синьчуань снова оглядел её квартиру — небрежно, будто ему было всё равно. Потом чуть отступил назад, опираясь на пятки:

— Как хотите. — он отвёл взгляд, скользнув им по её лицу, словно по поверхности воды. — Тогда завтра.

Он собирался повернуться, когда Цао Чжэнь сказала:

— Заходите.

В квартире витал стойкий запах ужина. Хэ Синьчуань взглянул на стол, на котором стояли несколько аккуратных блюд, но ни одно не было тронут.

Цао Чжэнь поставила на столик перед диваном стакан воды.

— Пейте. — она отдернула руку, потёрла ладони и спросила, — А тот ваш друг, что приходил с вами в прошлый раз?

Хэ Синьчуань повернул голову.

Цао Чжэнь улыбнулась.

— Заболел. — сказал он спокойно. — Отдыхает в общежитии.

Цао Чжэнь кивнула:

— Понятно. Ничего серьёзного?

— Нет. — ответил он. — Не то, что останется на всю жизнь.

Цао Чжэнь едва заметно опустила уголки губ:

— Вот и хорошо. Садитесь.

— Не нужно. — сказал Хэ Синьчуань. — Пара слов — и я уйду.

Он продолжил:

— Я консультировался со страховой. Предумышленное убийство не входит в перечень страховых случаев по программе несчастных случаев.

— Убийство? — повторила Цао Чжэнь.

Хэ Синьчуань кивнул:

— Да. Убийство. — Он провёл взглядом по её комнате. — И у меня есть доказательства, что Хэ Сяохуэй убил Цао Янань. — Затем он резко вернул взгляд к Цао Чжэнь. — Ту компенсацию вы ещё не потратили, верно?

Цао Чжэнь слегка улынулась, но ничего не сказала.

— Мне много не нужно.

Он достал бумажку и положил на столик.

— Здесь номер моей карты. Переведёте мне половину — и я забуду, что знаю.

Цао Чжэнь стояла неподвижно, как растение в тени. Без малейших эмоций на лице, без глубины во взгляде — будто ничего из сказанного к ней не относилось.

Хэ Синьчуань сунул руки в карманы и медленно направился к выходу.

Уже взявшись за ручку двери, он обернулся:

— Надеюсь, завтра до полудня деньги будут на моём счёте.

Синь Синь так и не сомкнул глаз.

Стоило усталости накрыть его хоть на миг, он тут же наклонял голову и резким движением тянул верёвку, перетянутую вокруг шеи, заставляя себя не проваливаться в сон.

Похититель, который заходил раньше, наверняка снял его на фото или видео — чтобы выманить у Хэ Синьчуаня нужные снимки.

У хитрой лисицы всегда три норы: он не мог быть уверен, придёт ли Хэ Синьчуань прямо в то место, где его держат, но, если вдруг... тогда бодрствующий он куда полезнее, чем связанный и обессиленный.

Он не мог точно просчитать, сколько прошло времени. Лишь приблизительно.

Похититель мог завязать ему глаза, связать руки и ноги, но не мог полностью лишить его чувств.

Вокруг стало не так душно — значит, вероятно, опять наступила ночь. Если прикинуть... его похитили уже больше суток назад.

В знакомой среде наступление темноты давало ему преимущество. А для врага — становилось дополнительной защитой и прикрытием.

Если бы он был похитителем, он бы выбрал встречу после наступления темноты.

А это означало, что Хэ Синьчуань может появиться в любой момент. А может и не появиться вовсе.

Поведётся ли Хэ Синьчуань?

Синь Синь считал, что нет.

У того есть голова на плечах; всё, что понимает он сам, Хэ Синьчуань тоже способен понять.

И даже если Хэ Синьчуань придёт на сделку с фотографиями в руках, Синь Синь верил, что он придёт только после того, как всё просчитает и подготовится до мелочей.

При любом раскладе шанс выжить у него был. И довольно большой.

Нужно лишь дотянуть до седьмого числа, до семи вечера. В задании чётко говорилось, что тогда к нему придёт босс Цинь за ответом. Даст он его или нет — сейчас предугадать трудно. Но раз босс Цинь «придёт», значит, в каком-то смысле, он уже спасён.

А в худшем случае — ну что ж, будет работать тут вечно как временный рабочий.

Это всё же лучше, чем погибнуть.

Синь Синь вдруг подумал ещё кое о чём.

Что означает смерть в этом мире? Не значит ли это, что в том забытом, реальном мире он тоже умрёт?

В задании об этом не упоминалось, но Синь Синь нутром чувствовал, что ответ — да. Этот мир заданий не настолько мягок и не настолько добр. Он уже болтается на грани жизни и смерти.

Жаропонижающий укол подействовал. Синь Синь чувствовал себя куда живее — настолько, что смог ощутить голод. И не только голод, но и мучительную жажду. После лихорадки организм требовал воды, но рот был завязан, и слюна, скапливаясь и вытекая, делала жажду лишь сильнее. Горло пылало, а дыхание и глотание давались с невероятным трудом. Он чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег, доведённой до такого отчаяния, что она вот-вот начнёт пускать пузыри.

Внезапный звук снаружи заставил Синь Синя мгновенно выпрямиться.

Едва различимый... словно чей-то шепот.

Он потянул шею вперёд, насколько позволяла верёвка, привязанная к его горлу. Натянул её до предела и замер, прислушиваясь изо всех сил. Но различить слова было всё равно невозможно.

Голос был слишком тихим.

Похоже, похититель с кем-то разговаривал...

Звонил Хэ Синьчуаню, требуя выкуп? Или общался с сообщником?

Если их двое... в голове Синь Синя тут же мелькнула связка: Ли Хуэйцзюань и Цао Чжэнь.

Милостивые небеса... ну развяжите ему хотя бы рот — он же может всё объяснить! Он только расследует, он не вершит правосудие. Выполнит задание — и всё! Этот дикий уголок мира и дальше может оставаться вашим царством на двоих...

Синь Синь чуть не расплакался, мысленно взмолив: милые старшие сестрицы, ну пощадите... я даже ежедневный вход в игру сегодня не выполнил...

Будто услышав его внутренний вопль, разговор снаружи внезапно стих. Его сменили чёткие, приближающиеся шаги.

Синь Синь мгновенно втянул шею обратно, закрыл глаза и изобразил обморок.

Преступник остановился прямо перед ним. Синь Синь, остро ощущающий чужое внимание, тут же почувствовал на себе чей-то взгляд. Запах освежителя воздуха вокруг был настолько резким, что он не мог уловить, чем пахнет сам похититель.

Спустя пару минут Синь Синь из последних сил продолжал притворяться мёртвым. Опыт в этом деле у него, мягко говоря, был нулевой, оставалось лишь максимально выровнять дыхание. В другой ситуации он бы и пару храпов выдал — для убедительности, будто спит без задних ног.

Когда шаги удалились, он всё равно не рискнул расслабляться. Полежал так ещё какое-то время, выжидая, пока полностью убеждённый, что за ним никто не следит, не позволил себе расслабиться.

Спустя мгновение шаги снова приблизились. Синь Синь быстренько вернулся к «спячке».

Шаги замерли прямо перед ним, на этот раз вплотную. Едкий запах освежителя снова ударил в нос, но сквозь него Синь Синь ощутил тепло человеческого тела. А сейчас человеческое тепло было куда страшнее любого холода.

А что ещё страшнее... этот человек начал развязывать ему рот.

Как только чёрная ткань спала, Синь Синь ощутил прилив облегчения. Похититель затянул её так туго, что кровь еле циркулировала, так что наверняка на лице останется глубокий след. Ему ужасно хотелось сглотнуть, но он сдержался, оставив рот приоткрытым, словно всё ещё был без сознания.

А потом этот человек внезапно начал снимать повязку с его глаз.

Синь Синь не смог удержаться — всё тело напряглось.

Любой, кого похищали хотя бы раз, понимал: если бандит даже не пытается скрыть своей личности, значит, заложнику, скорее всего, недолго осталось.

Повязка спала, и затянутые веки тут же ощутили свободу — так, что хотелось немедленно моргнуть. Синь Синь сдержался, мысленно повторяя: он по-прежнему связан, нет, он без сознания, он ничего не знает.

— Хватит притворяться.

От голоса похитителя по его спине пробежал ледяной озноб. Прекрасно. Он действительно его знает.

— Продолжаешь притворяться? Вон глаза туда-сюда бегают.

Голос похитителя звучал насмешливо, будто он забавлялся.

Синь Синь: «...»

Да он что, не в курсе? Во сне глазные яблоки тоже двигаются!

— Не откроешь?

И продолжил:

— Ты же всё слышал, верно?

Синь Синь: «...»

Извините, я спал, ничего не слышал, прошу не беспокоить.

— Хэ Синьчуань за тобой не пришёл.

Синь Синь: «...»

Отлично!

— Стоит признать, что он действительно хорош. Даже заблокировал мой номер. Хорошо понимает, что значит перехватить инициативу.

— Переговоры — это всегда торговля.

— Но возиться с мелочами скучно. Как насчёт того, чтобы я сначала отрезал тебе пальчик — для разминки, а потом посмотрим, как Хэ Синьчуань отреагирует? Что скажешь?

Синь Синь больше не мог сдерживаться. Раз его маска сорвана, скрываться дальше было бессмысленно. Он резко распахнул глаза. Сначала перед ними заплясали цветные мушки, но он моргнул, стряхивая наваждение. Ухмыляясь, он уставился на человека, присевшего перед ним, и произнес:

— Ва-а, Брат Тай, как будто гимнастику для глаз сделал — зрение сразу прояснилось.

Ши Тай усмехнулся:

— О, очнулся?

Синь Синь глупо улыбнулся:

— Добрый вечер, брат Тай.

— Добрый вечер. — сказал Ши Тай, прищурившись. — Левая или правая? Выбирай сам.

Синь Синь: «...»

Хорошая новость: Его подозрения относительно Ши Тая оказались верными - это подтверждает правильность выбранного пути.

Плохая новость: Учитывая боевые навыки Ши Тая, им двоим, вместе с Хэ Синьчуанем, скорее всего, не справиться.

Синь Синь натянуто улыбнулся:

— Брат Тай, может... ногтем ограничимся?

Улыбка Ши Тая исчезла:

— А сам как думаешь?

Синь Синь быстро подхватил:

— Брат Тай, я всё понимаю. Скажи, чего ты хочешь. Я сейчас же позвоню брату Хэ, поговорю с ним, пусть он пойдёт тебе навстречу.

— Не нужно звонков, — Ши Тай снова улыбнулся, доставая из-за спины фруктовый нож. — Думаю, так будет быстрее.

<http://bllate.org/book/12899/1324498>